

Виктор Степкин

ДЕТСТВО НА КРАСНОМ КОРДОНЕ

(Школа жизни заслуженного учителя России)

*Послевоенный трудный год — сорок шестой.
Опушка леса, крыша под соломой.
Здесь появился я, в мир посланный судьбой,
На свет в лесничестве у Красного кордона.*

“Быстрые воды реки Осередь струятся у склона долины. Осматривающий вековые дубы, подходящие для строительства кораблей, Петр I созерцает окрестности. “Сие место красное” [то есть красивое. — В.С.], — восклицает он. И по сему, заложенному здесь поселку подлежит называться — Красный».

Такова легенда. Откуда на самом деле пошло название поселка, не знаю, но места там действительно исключительной красоты. Красоты, в которой довелось мне родиться в 1946 году.

Кратко скажу о родителях. Знаю семейное предание, по которому мой отец, Егор Иванович Степкин, 1901 года рождения, прибыл в село Ливенка Павловского уезда Воронежской губернии со своими родителями из Ахтырки. Его отец, Иван Егорович, служил там ветеринаром в кавалерийском полку и был женат на полячке, потомственной дворянке, которая имела имение в Ахтырке. Моя мать, Мария Антоновна Степкина (Бобровская), 1900 года рождения, была матерью-героиней. Это почетное звание ей было присвоено решением Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1946 года за то, что она родила и воспитала 10 детей. Вместе со званием она была награждена орденом «Мать-героиня» за номером 8217.

Красное лесничество одним боком прижалось к Шиповой дубраве. Другой бок оно невольно подставило бегущим по полю зимовейным да суховейным ветрам. Для защиты от них была создана лесополоса, растущая вдоль дороги, идущей мимо Красного на Ливенский кордон. Но это ведь Красный! И деревья здесь не просто защищали поселок от снежных бурь и ветров, они приносили плоды. Каждая семья вносила в создание посадки свою лепту. Так, например, была яблоня под названием Верина — то есть ее посадила Вера.

Перед посадкой была прорыта канава и насыпан земляной вал, протянувшийся от пруда до заставы, перекрытой шлагбаумом. Ключ от шлагбаума находился у лесника, а потому без его ведома ни одно транспортное средство не могло выехать из леса, везя с собой несанкционированный груз. Так работал Красный кордон.

В послевоенное время на Красном было мало домов. Стояла контора, где работали научные сотрудники Лесной опытной станции (ЛОС). Таких станций в СССР было около полутора десятков. Они вели наблюдение за лесом, погодой... У них была метеостанция, много лаборантов.

Дом, в котором я родился, был ветхий, крыша под соломой. Затем его разобрали, а нам дали двухкомнатную квартиру в двухэтажном старинном доме под железной крышей. Он принадлежал ранее лесничему. Помимо нас в этом доме жило еще три семьи. Там же располагалось общежитие для студентов-практикантов Лесной опытной станции. На новом месте жительства мне запомнились высокие потолки. Уже позже, когда я вырос и стал работать в Пузевской школе учителем, я добился получения более просторного трехкомнатного жилья, занимающего половину отдельно стоящего дома. Отец не любил просить и не хотел сам ходатайствовать о расширении жилплощади для нашей большой семьи.

Я был младшим ребенком в многодетной семье, и меня никто не обижал. Конечно, в материальном отношении в послевоенное время жилось трудно. Полегче стало, когда старшие братья и сестры устроились на работу, разъехавшись кто куда. Остались с родителями мы, младшие: Оля, Зоя и я. Помню, в детстве мне всегда приходилось нянчиться с племянниками: Юрой, Владимиром... Я гулял с друзьями, а их на шею таскал с собой, даже дрался за них, когда кто-то пытался обидеть.

Мои самые ранние детские воспоминания? Помню, как я, годика в три, играл, подобно Нахаленку, под порогом, строя себе маленький домик.

А однажды к нам в дом залетела шаровая молния. Небольшой шарик, размером с теннисный мяч, проплыл по комнате, а затем ушел в розетку, скачком напряжения взорвав лампочку. Когда мне было лет шесть, запомнилась страшная гроза. Меня взяли в Шипов лес на покос травы на полянах. Уже на обратном пути, когда мы были в районе Идеального дуба, прокатились раскаты грома. Одна молния ударила в дерево перед нами, расколов его пополам, вторая — в дерево, находящееся сзади.

Надо заметить, что Идеальный дуб обладал для нас, мальчишек, притягательной силой. Здесь, например, мы любили играть в «казаков-разбойников». Из игр раннего детства я также помню «чижика». В этой игре необходимо было выбить из центра как можно дальше небольшую заостренную с обеих сторон палочку.

Все время играли в войну. Но при этом возникала непреодолимая трудность. Надо было разделить на «русских» и «немцев». Немцами никто не хотел быть. Поэтому у нас получалась одна команда русских, которая сражалась с воображаемыми немцами. У меня в детстве, как и у моих сверстников, была мечта: совершить подвиг, любой. Чтобы всех врагов России уничтожить. Хотелось вернуться в прошлое и сражаться с фашистами.

В связи же с реальными, а не воображаемыми немцами, на Красном запомнился такой случай. К нам в ЛОС часто приезжали иностранные делегации: чехи, финны, немцы... Мои сестры Зоя и Ольга в один из дней 1956 года познакомились с кем-то из иностранцев. Разговорились, оказалось — это был немец, потерявший глаз на фронте под Воронежем. Ольга, непolitкорректно по нынешним временам, сказала ему: «Жаль, что ты там и второй глаз не оставил...» Время ведь тогда было совсем другое, послевоенное.

После просмотра фильма «Тарзан» мы стали лазить по деревьям. Переходили от дуба к дубу по сучкам. Вместо лиан использовали тонкие стволы клена и ясеня.

Виктор Егорович Степкин

Бывало, падали и очень больно. Отсюда я высоты не боюсь, свободно хожу по крыше.

Любимой спортивной игрой в нашем поселке был волейбол. Расположенная здесь Лесная опытная станция построила для игры специальные площадки. Бывало, мяч попал в окно стоящего неподалеку дома директора станции Павла Николаевича Алентьева¹, донского казака почти двухметрового роста, ветерана войны. Когда раздавался звон стекла, мы, мальчишки, разбегались кто куда, прятались. Выходила его жена Елизавета Ивановна, учитель химии в селе Пузево, и начинала ругаться. После этого из дверей появлялся Павел Николаевич, большой любитель игры в волейбол. Он забирал мяч и успокаивал жену. Потом заходил на спортивную площадку и громко говорил: «Ребята, выходите, продолжим игру». Часто для игры он приглашал ветерана войны, лесничего Якова Алексеевича. Начиналась настоящая игра, страсти кипели нешуточные.

Надо заметить, что сборная команда нашего поселка неоднократно побеждала в соревнованиях Воронцовского района. Ведь в территориальном отношении мы относились именно к нему, хотя в административном — к Пузевскому сельскому совету. Мои старшие братья Алексей, Иван и Владимир входили в постоянный состав сборной. Кубки победителей хранились у нас дома, в специально отведенном для этого месте.

Я уже с 5-6 лет любил ходить на рыбалку. К этому меня приучил брат Владимир. На краснянских прудах, как сейчас помню, поймал свою первую рыбешку — красноперку. А потом пошли караси... Один раз удалось поймать очень крупную особь. Приезжий рыбак даже хотел выменять у меня этого большого караса на спиннинг. Они тогда очень дорого стоили. Но это был мой первый крупный улов, и я не согласился, гордо принес его домой, матери.

Большое разнообразие рыбы ловилось на Осередской яме перед плотиной гидроэлектростанции. Здесь попадалась щука, красноперка, окунь, линь, лещ... А однажды здесь появился любящий омуты сорт речного сазана — горбыль, плавающий стайками. Подплывет такая стайка к плотине, развернется и движется назад. Видимо, малька горбыля где-то разводили, выпуская потом в речную воду. Было много раков.

Удилища мы, детвора, делали из лещины, а крючки для мелкой рыбешки — из тетрадных скрепок. На крупную же рыбу, щуку, крючки делал брат Володька, вытачивая их из гвоздя или проволоки. Когда удавалось выменять настоящие заводские крючки и леску у тряпчоника, был настоящий праздник. Он принимал для переработки тряпки, железо, кости... Его появление в селе было большим событием. Женщины брали у него иголки, крышки и прочее.

¹ Павел Николаевич Алентьев — директор Шиповской ЛОС (1952–1962 гг.), а затем Северо-Кавказской в г. Майкопе (1962–1980 гг.); заслуженный лесовод РСФСР, профессор.

Любили в детстве «запускать змея». В этом событии участвовали как дети, так и взрослые. «Суровая нитка», которой его надо было привязать, была в большом дефиците. Ее делали из конопля, выращиваемой в Пузево. Сотканная из такой нитки ткань была очень прочной. Так, когда мы играли в «Тарзана», один из ребят, свалившись с дуба, зацепился ею за сучок. Так и провисел на ней, пока не подросли взрослые. Прочность ткани спасла ему жизнь. В то время даже никто не мог подумать, что конопля может использоваться как наркотическое вещество.

Весной любили кататься на льдинах. Я старался сохранять трезвый ум даже в самых опасных ситуациях. На Осереде под горой в то время была создана плотина, необходимая для работы гидроэлектростанции, которая снабжала электричеством не только наш поселок, но и часть пузевских улиц, расположенных неподалеку. Работала она только ночью, до 11 часов. Днем редко когда давали свет. Перед плотиной стояли ледорубы — деревянные бревна, торчащие из воды. Весной здесь образовывался затор, перед которым мы и плавали на льдинах. В этом месте было очень глубоко. Один раз наш багор зацепился за корень, мы его не удержали, и он упал в воду. Нас начало крутить, и льдину понесло на торос... Каким-то чудом нам удалось направить льдину к берегу. Я скомандовал: «Прыгаем по очереди». Я был последним. В момент моего прыжка льдина уже становилась на торец, и поэтому я немного промок. Тут же развели костер и начали сушиться, кто-то поделился со мной сухой одеждой. Пришел домой, мать произнесла: «Ну вот, опять сушились». Она всегда об этом узнавала по запаху.

Купаться в Осереде и прудах мы начинали очень рано. Вспоминается, что во время купания в тени Шипова леса еще лежали занесенные туда во время разлива льдины. Из воды мы выбегали синие от холода.

За играми порой было не до еды. Бывает, заскочишь на минутку домой, схватишь кусок хлеба, польешь его подсолнечным маслом, посыпешь сахаром или солью, перекусишь и бежишь дальше. Еще и друзьям вынесешь. А когда весной играли в лесу, то, разворошив снег, находили там дикие груши и яблоки, ставшие от мороза немного сладкими. Осенью же возле краснянского родника любили жечь костер. Запекали в его углях картошку, сахарную свеклу и даже иногда кукурузу.

Неподалеку от родника на берегу пруда лежал огромный валун. Среди взрослых шел разговор, что под ним якобы находилась скифская могила. Чтобы сковырнуть камень, его постоянно обкапывали. Но он словно прирос к земле и лишь все глубже уходил в землю. Когда в ЛОС появился первый трактор ЧТЗ, то им попробовали сдвинуть камень. Но и ему это оказалось не под силу. Лишь гораздо позже, когда на пруду строили вторую плотину и пришла более мощная техника, камень сдвинули с места вместе с землей. Нашли ли под ним что-то, неизвестно... Из исторических находок мне только один раз попался наконечник стрелы с зазубриной.

В нашей семье, как и во всем поселке, особо праздновали День Победы — 9 мая, Пасху, Троицу и День Октябрьской революции. На Пасху вся семья собиралась за столом, красили яйца. Мать наливала отцу «фронтовые» 100 грамм, сама пригубит, а нам — ситро. До 22 лет я не курил, не пил, водка была противна. В школе запрещали на Пасху ходить на кладбище. Такое распоряжение было от парторганизации. Но отец, несмотря на то, что был коммунистом, о церкви никогда плохо не отзывался. На Пасху ходил на кладбище. Поскольку возле поселка родственников похоронено не было, он приходил на могилки к сослуживцам, которые были похоронены в лесу за пилорамой. Там сейчас все заросло.

В Лесной опытной станции и лесничестве до 60-х годов XX века всенародно праздновали Новый год, 1-е Мая, Октябрьскую. Все жители Красного собирались в клубе, ставили столы и весело проводили время. Пели песни, танцевали. Молодежь ставила пьесы, в постановке которых активно принимали участие мои стар-

шие братья и сестры. Задействовали они и меня. Ни разу не помню, чтобы на таких мероприятиях кто-то выражался матом или была драка. Здесь ведь работали научные сотрудники, старая интеллигенция.

Новый год мы, детвора, очень любили. Читали стихотворения Деду Морозу и Снегурочке. Получали подарки по списку. Причем в ЛОС и Красном лесничестве подарки были разные, в ЛОС побогаче. Там выдавали также подарки на праздники 1 Мая и 7 ноября. У меня после войны отец работал в ЛОС, и мне в среде краснянских ребятишек везло в этом отношении.

Вспоминается также, как совсем маленьким ходил с детворой на Святки по селу, читая рождественские колядки:

Птичка летела,
Хвостиком вертела,
А вы, люди, знайте,
Столы застилайте,
Гостей принимайте,
Рождество встречайте!

Или:

Пречистая Дева Мария
Иисуса Христа породила,
В яслях положила.
Звезда ясно сияла,
Трем царям путь показала —
Три царя приходили,
Богу дары принесли,
На колени припадали,
Христа величали...

В нашей семье очень любили читать. Появившуюся новую книгу читали вслух, пока горел свет. Если свет гас, читали при лампе. Читал, как правило, отец или кто-то из старших. Отсюда у меня любовь к книгам. Читали стихи. Как сейчас помню, из Лермонтова:

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах².

Иногда пели песни. Отец любил романсы, военные песни. Особенно ему нравилась песня «Там, вдали за рекой...», запавшая в душу еще во время службы в Конной армии.

Там, вдали за рекой,
Засверкали огни,
В небе ясном заря догорала —
Сотня юных бойцов
Из буденовских войск
На разведку в поля поскакала.

Когда мне было лет пять-шесть, на Красном появились первые комбайны и колесные трактора. Лесная опытная станция выращивала пшеницу и овес, держала овец. На праздники готовили баранину.

В классе восьмом-девятом я впервые увидел телевидение. Телевизор стоял в конторе, и вечером все приходили его смотреть, даже бабушки, которым особенно

² М. Лермонтов. Воздушный корабль.

правились фигурное катанье. Передвижка раз в неделю привозила кино. Особено нам, детишкам, живущим на опушке Шипова леса, запомнился фильм «Тарзан». Ходили в кино всей семьей. Когда не было денег и вставала дилемма: купить хлеба или идти в кино, — совещались и шли смотреть фильм.

Праздником для нас были и Выборы. Голосовать ездили в пузевский клуб. Играла музыка, завозили выпечку, колбасу... Появлялись продукты, которые в обычное время было сложно купить в нашем поселке.

Магазин на Красном был не просто местом, где можно было купить тот или иной товар, но и местом общения. Здесь можно было рассмотреть новый товар, узнать новости. Продавщица-еврейка всегда завозила хорошую продукцию, были даже импортные костюмы. На прилавках размещались разнообразные продукты питания, рыба свежемороженая. Если не было денег, то продукцию в магазине можно было взять под запись до зарплаты.

Муку брали мешками, так как хлеб выпекали сами. Были специальные формы, в которые выкладывали тесто и ставили в русскую печь. Когда мы в начале 70-х русскую печь заменили на обычную грубку, то хлеб, пирожки и булочки продолжали готовить в духовке. Купить же готовый хлеб можно было вначале только в Воронцовке. Его ездил закупать мой отец, а потом раздавал заказы. Все было строго до грамма. Если кому не хватало чуть-чуть, скажем, до двух килограммов, отрезал от другой буханки и докладывывал. Потом продажа хлеба появится и в Пузево, и в нашем поселке.

Запомнились посылки, которые присылали старшие братья и сестры, разьевавшиеся по стране. Из продуктов питания в них были макароны и большие, размером с кулак, куски сахара. Такого в нашем магазине нельзя было купить.

В поселке была своя баня, которую топил лесхоз для своих жителей. Когда я был в классе пятом-шестом, в селе появился водопровод, стояли колонки, хотя в Пузево водопровода еще не было. До момента его появления на Красном воду брали из колодцев. Причем их глубина и вкус воды были везде разные. Возле нашего дома в колодце была самая вкусная вода. К нам приходили набирать ее и другие жители. После появления водопровода колодцы чистить перестали, и они засорились.

Не помню, чтобы в моем раннем детстве на домах были замки. На Красном все друг другу доверяли. Если щеколда просто накинута на петлю, значит, человек где-то рядом, если вставлена палочка, значит, хозяин далеко. Так было до конца 1960-х, а потом все поменялось, когда в поселок стали приезжать чужие люди.

Конечно, лес в нашей жизни очень много значил. Это было не просто место наших игр. В лесу работал отец. Там собирали груши, яблоки, терн, орехи и затем сушили. Протертые груши добавляли в муку. Делали муку и из кукурузы, перемальвая ее на самодельной ружке. Вкус сладких кукурузных лепешек был незабываем! Говорят, во время голода даже ели желуди, но я этого не захватил. Заготовку же ягод и фруктов я хорошо помню. Она продолжалась и во времена моего детства. Из леса привозили яблоки, резали их на кусочки и сушили на низках — это что-то наподобие своеобразной гирлянды. Груши сначала запекали в русской печи, а потом досушивали на солнце, на металлических противнях. Осенью рвали терн и рассыпали на чердаке. После морозов он приобретал сладковатый вкус, и мы начинали его есть. Сладковатый вкус приобретали и дикие яблоки, разложенные в соломе на чердаке, кислоты в них не было заметно.

Фауна Шипова леса хорошо была представлена в музее ЛОС. Здесь находились чучела разнообразных птиц: орла с размахом крыльев до двух метров, коршуна, ястреба и других более мелких. Были также чучела волка, косули, лисы, зайца, куницы, хоря... Музей животных Шипова леса посещали школьники из Воронцовки, Пузево, Чернавки и других мест. Во время ликвидации ЛОС в 1980-х годах музей перестал существовать. Что-то передали в школы, остальное пропало.

Но мне, живущему около леса, дикие животные были знакомы не только по музейным персонажам. Помню вой волков у нашего дома. В это время на улицу выходить было опасно. В лесничестве была своя гидроэлектростанция, и монтер повесил на улице фонарь, чтобы волков отпугивать. Отложилась в детской памяти яркая картинка, как охотники убили здорового волка и везли его на санках в лесничество.

Опасность была и со стороны змей. Годика в четыре меня укусила гадюка. Случилось это так. Возле сада лежало сено в валках. Я пошел через него и почувствовал укол ноги. Глянул, а у меня две ранки на коже. Сестра меня подхватила и понесла домой. Я был без сознания несколько дней, нога сильно опухла.

Со змеей был и еще один опасный случай. После весеннего половодья на лугу осталась в лужицах вышедшая из пруда вода, в которой плескались желтые караси. Мы начали с ребятами ловить их руками. А у меня на шее сидел племянник Юра. Я поставил его на сухое место и... обомлел. Откуда-то появилась метровая гадюка и поползла на него. Поблизости оказалась только маленькая 20-сантиметровая хворостинка. Ею я отвел голову змеи в сторону. Еще мгновение, и гадюка бы укусила...

На опушке леса можно было увидеть ласку, горностая, хорька. Когда последний забегал в село, на него начиналась настоящая охота, хозяйки боялись, что он может перетаскать кур.

Особое, неизгладимое впечатление произвел на меня вылетающий из гнезда орел! Теплым летним днем отец меня, еще совсем маленького, посадил на лошадь и повез в лес. Мы подъехали к большому раскидистому дубу, стоящему на поляне. Взглянув на вершину, я обомлел. Толстые ветки были переплетены, образуя большое гнездо. Заметив нас, из него вылетела большая птица. Размах ее крыльев достигал почти двух метров. Отец сказал, что это орел, а точнее — подорлик. Мы долго стояли, провожая его взглядом, а затем не спеша поехали домой.

В лес я влюбился с детства. На какое-то время он тоже становился моим домом. Уже с шестого класса я со студентами-практикантами в нем не просто гулял, но и работал. В день мне платили 1 руб. 20 коп. — 1 руб. 30 коп. По тем временам — немалые деньги. Нас, краснянских ребят, брали с собой научные сотрудники в качестве помощников проводить наблюдения. Надо было выяснить: сколько, например, дубовый листок испаряет влаги за определенный период времени. Для этого его взвешивали до и после эксперимента. Или какова длина дубовых корней? Ответ на этот вопрос давался нелегким трудом. Нет, конечно же, основная тяжесть работы по их извлечению падала на взрослых, но и нам приходилось немало потрудиться, очищая их от земли. Со студентами мы обошли пешком фактически весь Шипов лес, вплоть до Бутурлиновки и Воронцовского яра. А территорию своего лесничества мы знали вдоль и поперек.

Неподалеку от нашего дома был питомник Лесной опытной станции. Там выращивали ценные породы деревьев. Желуди для посадки дубов привозили со всей России. Проводили эксперимент: какой дуб лучше приживется. Помимо дубов росли в питомнике и такие экзотически растения, как грецкий орех и пробковое дерево. Во время весенних заморозков питомник и близлежащая округа окутывались густым дымом. Это сотрудники ЛЮС, борясь с холодами, делали дымовые завесы.

Работники станции делали прививки диким грушам и яблоням в лесу. Потом, бродя по лесу, мы часто на них натывались, с удивлением срывая с дички сочные спелые плоды. Сажали сотрудники ЛЮС и лесополосы в Павловском и Бутурлиновском районах.

Будучи подростками, мы с друзьями любили ходить на Мельничный яр за родниковой водой. Вода в этом роднике считалась самой вкусной. Когда был сенокос

и необходимо было запасти водой в поле, то взрослые ехали за ней именно сюда! Потом, когда этот родник заилился из-за построенной бобрами плотины, воду на сенокос станут набирать на источниках в Чернавке.

До родника в Мельничьем яру 50-го квартала Шипова леса нам, ребятишкам, приходилось пройти километров шесть. Хотя рядом с Красным был свой родник, но мы шли все равно именно туда. Весной там было много ландышей, но было много и змей. Я их не боялся и живыми ловил. Помню, как одну небольшую поймал и посадил в бутылку. Поднес к стеклу палец, змея попыталась его схватить через невидимую преграду... По стеклу потекла тонкая струйка яда.

С интересом ходили мы и в район 54-го квартала, где во время войны разбился наш самолет. Там находили мелкие остатки фюзеляжа. Нахождение в лесу было для меня одним из любимых видов отдыха. Бывало, на школьных каникулах возьму рюкзак — и в лес на целый день. Находил грибы, орехи, ягоды. Наблюдал за животными. А на лес можно смотреть бесконечно!

Несмотря на то, что я прекрасно знал округу, однажды, к своему удивлению, я заблудился. Причем произошло это в лесу, неподалеку от дома, что особенно удивительно. Я зачем-то наклонился, и меня как будто кто-то стукнул по голове. Поднимаю взгляд и не пойму — где. А уже темнело. Но я не растерялся, нашел близлежащую тропинку и пошел по ней. Вышел на край квартала, и тут словно пелена спала с моих глаз. Я понял, что нахожусь около дома. Из этой истории вынес понимание, что главное в экстренных случаях — не паниковать и пересиливать страх.

Зимний лес моего детства был не менее прекрасен летнего. На лыжах мы обезжали все близлежащие яры. Лыжи ломали часто, ремонтировали, клепали... И снова склон и несущийся навстречу ветер.

Любили кататься с Краснянской горы на санях. Свяжем их в связку, получив пяти-шестисоставный мини-поезд. И вот он уже несется на всех парах вниз по склону. Тот, кто движется впереди, бывало, специально затормозит, повернув резко сани вбок, и начинается куча-мала. Иногда на конюшне брали большие деревянные сани. Усядемся на них и летим с горы. Одна беда: надо потом тащить эти сани вверх. Запряжемся в них и тянем вместо лошади. И вот наверху 15 уставших, но счастливых пацанов готовы опять скользить вниз.

Моя любовь к лесу постепенно распространилась и на его обитателей. Это я пронес сквозь всю жизнь. Уже будучи взрослым, я иногда ходил на охоту. Для меня важен был более сам процесс хождения по родным просторам, нежели добыча дичи. Особенно красив зимний лес. В нем идешь, как в сказке. Обычно охотники вспоминают свои трофеи, а мне помнятся совсем иные случаи.

Шел дождь. Собака выгнала на меня, стоявшего под липкой, козу. Я потянулся за ружьем, но, взглянув в ее глаза, передумал стрелять. Или такой случай. Когда я стоял на болотной тропе, на меня выгнали свинью. До нее было метров шестьдесят. Она тяжело сопела, устав от нелегкого передвижения через болотную грязь. От усталости свинья прислонилась к ольхе, стараясь немного отдышаться. Я подумал, какая же я буду сволочь, если ее убью. Свинья ушла, и вскоре появился егерь. Узнав, почему я не стрелял, он рассмеялся от души. Говорил, что всегда теперь будет брать меня на охоту. Ущерб я никакого не нанесу.

С детства я любил и домашних животных. У нас дома всегда были кошки. Их мой брат Володька дрессировал, чтобы они не трогали голубей, которых он разводил на чердаке. Возьмет голубя в руки, поднесет к кошке, она к нему потянется, а он ее тихонько ударит. Доходило до того, что он в клетку к голубю сажал кошку, и она его не трогала. Особенно запомнилась мне трехцветная кошка Ягодка, которая долго у нас прожила. Она досталась нам от прежних хозяев квартиры и, чтобы заслужить наше доверие, поймав мышшь, приносила ее на порог: показать, какая она мышеловка. Так она и осталась у нас.

Был у нас и пес, которого мы звали Рыжий. Цвет его шкуры напоминал лисий. Эту собаку потом волки задрали. Затем, когда я уже вырос и создал семью, у нас появился Пират. Это была широкогрудая помесь овчарки. Он очень любил детей. Если чувствовал, что ребятишкам угрожает опасность, — скалил зубы. Однажды он фактически спас от смерти Виталия. Произошло это так.

Был день. Мы шли вдоль лесной опушки. Виталий, еще совсем маленький, в красном пальтишке, убежал вперед. И здесь неожиданно появился двухгодовалый бык. Он шел на малыша, копая копытом землю. Я чувствую, что не успеваю добежать. И тут появился Пират, убежавший куда-то до этого. Он несся на быка, ничего не замечая на своем пути. По-волчьи прыгнул. Возле горла животного клацнули зубы, и широкая грудь Пирата ударилась о его тело. Бык опешил, остановился. Пират забежал к нему сзади и укусил за ногу. Быку стало совсем не до Виталия, а тут и я подросел.

После этого у Пирата появилась какая-то ненависть к рогатым.купаются, скажем, ребята на пруду. Пират проводит перед детьми только ему видимую условную черту. И если какая-то поблизости пасущаяся корова ее переходит, он начинает на нее лаять и нападать.

Возвращаясь к своему детству, вспоминаю трагический эпизод, связанный с фауной Шипова леса. Когда я был в классе третьем-четвертом, лесоводы стали вести борьбу с насекомыми. Помню, как летел самолет, обрабатывая лес дустом, а мы, пацанята, совсем не думая о том, что этот яд вреден для нашего здоровья, бежали за ним. Через какое-то время лес буквально начал шевелиться от падающих жучков, гусениц и прочих насекомых... А потом лес словно умер. Какой-то период в нем не слышно было пения птиц, пропали лисы, зайцы, орлы. Орлы после этого в лесу так и не появились...

Школы на Красном не было, и я пошел в первый класс в Пузевскую семилетнюю школу, которая потом стала восьмилетней. Школа размещалась в пяти небольших зданиях. Это уже после, в 1980 году, построят единое двухэтажное здание. С первого по четвертый класс я проучился в небольшом доме. В нем было всего две классные комнаты. В пятый класс я перешел учиться в здание, в котором раньше был дом священника. Этот корпус так и назывался между нами — «Попова школа». Еще учились в здании рядом с сельсоветом... Седьмой и восьмой класс прошел для меня в главном здании школы.

Свою трудовую учительскую деятельность в дальнейшем я начинал также в этих корпусах. От урока к уроку приходилось ходить между зданиями. Времени перемен хватало как раз только на то, чтобы преодолеть расстояние между ними. Звонки с урока звенели в разное время. Медленно, от здания к зданию проходила техничка, сотрясая в руках небольшой колокольчик.

С первого класса мне приходилось каждый день добираться до школы пешком. А это без малого километра два с половиной. В зимнюю непогоду иногда для нас, учеников начальной школы, выдавали лошадь. Не учились только, когда мороз был за 30 градусов. Но радио не всегда об этом сообщало, и поэтому приходилось иногда идти и по морозу. Дойдешь, бывало, до школы, узнаешь, что уроки отменили, и бредешь назад. Ходили, как правило, мы втроем. Нас было три друга: я, Николай Алентьев (сын директора ЛОС) и Виктор Таможенко. Во время снегопадов нарочно извлекаемся в снегу, зайдем в класс, а с нас все его стряхивают, жалеют.

Не менее сложно было добираться в школу и в весеннюю распутицу. Но мы тогда мало об этом думали. Прямая тропинка, идущая с Красного вдоль оврагов, спускаясь вниз, на одном из участков затапливалась вешними водами. Конечно же, можно было обойти вокруг, но это было почти на километр дальше, и потому мы с друзьями шли напрямую. Нам-то и надо было пройти по воде метров двести, но

какие это были метры! Поскольку вода заливала дорогу, мы преодолевали путь по вершине плетеного полутораметрового забора, хозяин которого на нас постоянно ругался. Как мы не срывались или как этот забор не упал под нашей тяжестью, до сих пор не представляю.

По первому льду бегали по речке, пока кто-то из взрослых не прогонит. По пути в школу в хорошую погоду мы, друзья, любили пробовать овраги на прочность. Овраги были глубокие, подойдешь к краю одного из них и обваливаешь его ногой, стараясь вовремя отскочить от оползня. Иногда еле успевали. Любили собирать камешки, оставшиеся от ледника. В общем, искали приключения на свою голову.

О первой учительнице — Марии Андреевне Прошуниной — остались самые теплые воспоминания. Но бывали и ссоры. Ее сын как-то меня толкнул, я, естественно, его в ответ. Получил нагоняй, конечно, хотя виновным себя не ощущал.

С самых ранних лет нам прививали любовь и умение трудиться. Уже в начальной школе нас всех, и мальчишек, и девочек, научили шить, вышивать крестиком, пришивать пуговицы. В среднем звене мы, ребята, уже могли хорошо работать рубанком, пилой, молотком. В дальнейшем, во взрослой жизни мне все эти навыки очень пригодились. По хозяйству я мог сделать любую работу. Когда строили дом, в котором живу, то фактически всю внутреннюю отделку я выполнил своими руками.

Писали в школе чернилами. Чернильниц почти ни у кого не было, и мы носили с собой пузырчки. В них наливали купленные чернила или сделанные самостоятельно из химического карандаша. Перья были металлические. Шариковые ручки стали появляться уже в старших классах, которые я оканчивал в Воронцовской школе. Но они были тогда у единиц. Ими не особо разрешали писать, считая, что они портят почерк. Сейчас мало, наверное, кто знает, что такое, например, волосная линия. Выводишь букву «И»: нажим, волосная диагональная линия, нажим...

Перейдя в среднее звено, я продолжал учиться хорошо. Сложности возникли только с русским языком, с преподавателем которого у нас не заладились отношения. По этому предмету у меня была единственная тройка в аттестате за курс неполного среднего образования. При этом все правила я хорошо знал, но при письме мысль опережала руку. Наиболее частые ошибки — недописанные или сокращенные слова, хромало правописание. Грамматических ошибок было немного.

Парты, за которыми мы сидели, были под наклоном, с откидывающейся при вставании крышкой. В том месте, где крышка крепилась к основному корпусу парты петлями, была щель. Ее кто-то еще до нас предусмотрительно расширил, и у нас появилась прекрасная возможность читать на уроках литературу не по теме. Положишь книгу на колени и передвигаешь ее потихоньку, прочитывая строчку за строчкой. Так я перечитал Вальтера Скотта, Фенимора Купера, Александра Дюма, а из советских писателей — трилогию Константина Симонова. В общем, ту классику, которую не рекомендовали читать.

В связи с тем, что я много читал, по литературе у меня была пятерка. Да и по русскому, когда у нас замещала Алла Григорьевна, я был чуть ли не лучшим учеником. Легко давалась мне математика с физикой. Молодая, недавно пришедшая в школу Нина Тимофеевна навсегда сумела привить любовь к этим предметам. Именно математику я выберу в дальнейшем в качестве профильного предмета при поступлении в институт.

На природоведении осуществляли наблюдения за погодой, вели дневник, записывали облачность, направление ветра, температуру... Термометр стоял у нас в школе ртутный. Ртуть просто была налита в чашку: тогда никто не думал о том, что это может быть вредно для здоровья.

Конечно же, ангелом в школе меня нельзя было назвать. Урок географии. Когда вызывают к доске и дают задание: «Опиши флору и фауну тундры». Я начинаю подсказывать: «В тундре растут огромные баобабы, перевитые ветвями лиан, на которых качаются обезьяны...». Отвечающий бездумно за мной повторяет. Класс покатывается со смеха, а меня учитель географии, Зоя Павловна, в качестве наказания отправляет на «экватор». «Экватор» — это место у печки, где было очень жарко стоять. Надо заметить, что Зоя Павловна очень любила Пушкина. Она даже на Красный приезжала к нам читать о нем лекции перед взрослой аудиторией.

Или мои шалости на уроке истории. Восьмой класс. Я сижу на первой парте. Моя соседка Зина отсела на последние ряды, где девчонки пишут что-то в тетради, передавая ее по рядам. В общем, аналог из прошлого современным СМС. В один прекрасный момент учитель перехватывает злополучную тетрадь и читает: «Учитель истории похож на Махно» (?). Тетрадь отправляется на учительский стол... Мне Зина бросает записку: «Вить, выручай!». Я прошу их отвлечь учителя и передать мне точно такую же, как у них, но чистую тетрадь. Незаметно делаю замену. На перемене приходит завуч, учитель истории раскрывает перед ним тетрадь, смотря на опустившую голову Зину. Затем он переводит взгляд на бумагу, а там пустота! «Шерлок Холмсы», — произносит он изумленно. Ну, как было не проверить перед нашим учителем истории Валентином Ивановичем Манченко такую спецоперацию, когда он говорил, что его, младшего-лейтенанта разведки в запасе, нельзя обмануть.

Или еще несколько случаев с урока истории. Валентин Иванович любил во время объяснения размахивать указкой. На перемене я подговорил класс, чтобы мы на уроке начали следить одновременно взглядом и движением головы за перемещение кончика указки... Или вот еще. Меня заинтересовал вопрос: «Сколько спичек можно разместить на больших Зининых ресницах?». Четвертая спичка падает, не удержавшись, и меня выгоняют из класса...

Но время, проведенное в коридорах школы, для меня не проходило даром. Здесь я изучал уже не лежащую на коленях литературу, а живопись. На стенах висели прекрасные репродукции. Закрывая глаза, я их и сейчас хорошо помню: «Сватовство майора» и «Завтрак аристократа» — Федотова, «Опять двойка» — Решетникова, «Грачи прилетели» — Саврасова, «Чаепитие в Мытищах» и «Тройка» — Перова, «Боярыня Морозова» — Сурикова, «Девятый вал» — Айвазовского... Много было картин Левитана и Шишкина. Отсюда у меня любовь к живописи, особенно к пейзажам.

Наши шалости в школе были беззлобные. Это понимали и мы, и учителя, приживающие любовь к предмету. Из школы помимо любви к математике и литературе я вынес любовь к истории. Нам учитель много рассказывал дополнительного материала, того, чего не было в учебниках. Да и сам я немало читал на исторические темы. Когда в дальнейшем я уже работал завучем в Пузевской школе, то иногда без подготовки мне, учителю математики, приходилось вести историю. И ничего, справлялся. Узнаю, какая тема, и иду в класс, заменяя не пришедшего внезапно учителя.

На летних каникулах мы любили водить лошадей в ночное. Конюшни были на Красном и в Чернавке. Отведем из Красного лошадей с горы на пойменный луг, оставим их там пастись на свежей траве и айда домой. Ночевать с ними, как это описывается у Тургенева, не ночевали. Это было дело конюха.

По окончании восьми классов я со своими друзьями-одноклассниками мало встречался. Наши дороги разошлись. Николай Алентьев вместе со своими родителями уехал из Красного, Виктор Таможенко поступил в Хреновской лесной техникум, а я пошел в 9 класс в Воронцовскую школу среднего полного образования.

От моего дома на Красном дорогах в Воронцовскую школу оказалась еще дальше, чем в Пузевскую, — восемь километров. В нашем классе обучались дети из разных сел: Воронцовки, Ерышевки, Красного Октября... Из выпускников Пузевской школы я был один. Несмотря на это, между собой мы не враждовали. У нас были хорошие дружеские отношения. Нам, прибывшим на учебу из других школ, выделили для проживания место в интернате. Я там переночевал одну ночь и понял, что это не для меня. В комнате было человек девять-десять. Вечером даже почитать книгу было невозможно. И я стал ходить каждый день в школу и из школы пешком. И так три года, на протяжении 9, 10 и 11 классов. Если позволяла погода, не было распутицы, снега и холода, я ездил на велосипеде. Но это было не часто: в мае и сентябре. По снегу добирался на лыжах.

Во время распутицы, идя в школу, надевал офицерские яловые сапоги, которые мне привез брат Иван из Москвы, или резиновые. Бывало во время дождя, что ноги сухие, а куртка вся мокрая. А ты идешь и читаешь стихи. Нет, не те, что задают в школе, а то, что особо нравится, что ближе тебе в этот момент. Или поешь песни:

Летят перелетные птицы
Ушедшее лето искать.
Летят они в жаркие страны,
А я не хочу улетать.
А я остаюсь с тобою,
Родная моя сторона!
Не нужно мне солнце чужое,
Чужая земля не нужна³.

Ходить из школы приходилось и в темное время суток. Одноклассники поражались, как я не боюсь, ведь большая часть дороги проходила через лес. За это меня ребята уважали. Иногда, конечно, был страх. Особенно когда в темноте показывался силуэт животного. Сразу ведь и не разберешь: косясь это или волк. Но Бог миловал. Волка я видел только один раз. Разошлись миром, он пошел своей дорогой, а я своей, лишь крепче сжал в правой руке перочинный нож, а в левой — палку.

Наиболее сложно было добираться к месту учебы после метели. В некоторых местах переносы были по пояс. В такие дни на обратном пути было чуть полегче. Кто-то проезжал по дороге на санях, оставляя за собой колею. Но самое тяжелое — это ледяной дождь. Я как-то даже чуть не обморозил себе лицо и уши.

Несмотря на все трудности, школу я не пропускал. Ходил регулярно в любую погоду. Привычка двигаться доходила у меня до того, что на каникулах я не могу просто так сидеть на месте. Тянуло все время куда-то идти, что-то делать. По-прежнему я много читал. Был записан, как говорили тогда, в трех библиотеках. Брал книги еще и у научных сотрудников ЛОС. Перечитал всю классику: А.Ф. Писемского, Д.М. Мамина-Сибиряка, Ю.П. Германа, Ч. Дикенса... Прочитал всего Сергея Есенина, в то время, кстати, запрещенного.

Мы очень любили и ценили за справедливость и доброту многих воронцовских учителей: математики — Николая Владимировича Булгакова, литературы — Римлянну Васильевну Новомлинцеву, химии — Тамару Францевну Желновакову, физики — Ивана Афанасьевича Улаева, да и многих других, добросовестно и по-человечески неравнодушно относившихся к своим обязанностям.

После окончания 10-го класса тех ребят, кто умел работать топором, директор

³ Из песни «Летят перелетные птицы». Музыка М. Блантера, слова М. Исаковского. 1948 г.

школы направил на строительство школьного гаража. В эту бригаду попал и я. Руководил нами рабочий Пов-в, который имел опыт строительства подобных сооружений. На всех топоров не хватало, и мы были вынуждены работать по очереди. Один работает, а другой в это время читает книгу или общается с друзьями. Во время отдыха Пов-в начал рассказывать о своей жизни, о том, как воевал, как героически спасал людей. Поведал он и о трагедии своей семьи, рано ушедшей из жизни в результате болезни жене.

Вечером я пришел домой. И отец поинтересовался, как там у меня в школе дела? Я с восторгом рассказал о новом знакомстве. Отец молча выслушал и произнес: «Да врет он все. Помнишь, я тебе рассказывал о пулеметчике моего отделения, который сдался в первом же бою в плен немцам? Так вот — это он и есть. После войны отсидел за это срок, а теперь, вот, видишь, устроился к вам на работу. А сколько моих однополчан героически полегло! И начальство даже не знало об этом. Да и про жену Пов-в все выдумал. Она рано ушла из жизни, потому что он ее избивал».

Придя после этого на следующий день в школу, я все пересказал ребятам. Наступило время работы. Я лежал на бревне, читая книгу о войне Константина Симонова. Ее было тогда очень тяжело достать, и мы во время отдыха читали по очереди. Пришел Пов-в и начал в очередной раз рассказывать про свои «подвиги». А один из моих одноклассников, Привалов, возьми да и скажи ему: «Не надо обманывать. Нам Виктор все рассказал. Его отец с тобой служил вместе, и он сообщил, как ты сдался в плен и избивал свою жену!». Пов-в взревел, как раненый зверь, схватил топор и бросился на меня. Если бы не друзья, навалившиеся на него сзади, он бы точно меня убил.

Немного успокоившись, Пов-в пошел к завучу школы и что-то долго ему говорил. И вот к завучу вызывают меня. Я пытаюсь что-то объяснить, но меня даже не слушают. Грозят исключить из школы. Поставили мне «неуд.» по поведению за целый год, хотя никаких нареканий у меня до этого не было. Наверное, в тот момент у меня, почувствовавшего всю беспомощность перед «учителем», и родилось желание самому встать на педагогическое поприще, чтобы не допускать больше такой чудовищной несправедливости.

Эпизод со строительством гаража отразился и на моей успеваемости. Так как завуч вел у меня географию, то у меня появилась тройка по этому предмету, хотя я всегда хорошо отвечал домашнее задание. А по окончании 11 класса, в 1965 году, мне написали такую характеристику, которая закрывала дорогу в любой институт. Я был очень расстроен. Но после выпускного вечера меня неожиданно пригласила к себе классный руководитель. Она при мне порвала прежнюю характеристику и написала новую, сказав, чтобы я, не заходя к завучу, понес ее на подпись к директору. Директор характеристику прочел, улыбнулся, поставил печать и пожелал мне успеха.

И вот я оказался на распутье. В какое русло жизни направиться? Брат Иван уговаривал поступить в Тимирязевскую академию. Я согласился, передал необходимые документы, аттестат, свидетельство о рождении и прочее сестре Нине в Москву, а сам приехал туда через некоторое время. И здесь произошло странное, можно сказать, судьбоносное событие. Несмотря на все поиски, сестра никак не могла обнаружить искомые документы. Найдутся они только в ноябре, но будет уже слишком поздно для поступления в вуз. Естественно, я никуда в этот год не поступил и поехал к другой сестре Анне, которая жила тогда в Коми-Пермяцком автономном округе, в поселке Сергеевском, недалеко от Камы. Волей случая я там познакомился с директором школы, который меня взял на работу старшим воспитателем в интернат. Так началась моя педагогическая жизнь. Я понял, что это мое, у меня получается работать с детьми.

Из отчего дома на Красном долге не было вестей. Когда пришло письмо, оказалось, что родители болеют. Я рассчитался и поехал к ним. После выздоровления родителей я отправился к другой сестре — к Зое в Луганск. Средств на учебу в институте не хватало. Отец получал всего 35 рублей, которые шли в основном на лекарство. Мать не получала ничего, была домохозяйкой. И я решил пойти учиться в профессионально-техническое училище № 47 г. Луганска на электромонтера осветительных сетей и силового электрооборудования. В училище было бесплатное проживание и питание. Кроме того, мы получали 30 процентов зарплаты от работы на практике.

Освоив ремесло, я начал подрабатывать самостоятельно. До 14.00 — в училище на учебе, с 14.00 — на работе. Чинил проводку. Вспоминается такой случай. На заводе два цеха оказались обесточены. Свой электрик не смог починить неисправность, и энергетик завода нанял меня. Я приступил к работе. Оказалось, что при монтаже проводки там сильно напутали. Меня даже током опалило так, что кожа слезла на руке. Но ничего, разобрался, пошел за авансом, а оказалось, что меня на данную работу даже официально не провели. Пошел к директору. Он оказался очень порядочный человек. Оформил документы задним числом, и выдали мне на руки 80 рублей. Я тогда на эти деньги купил свитер и брюки, подарки родителям и поехал на ноябрьские праздники домой.

В 1967 году я поступил в Луганский педагогический институт по математическому профилю, продолжая также учиться в училище и подрабатывая вечерами и в выходные. Училище я окончил в 1968 году за один год, хотя формально надо было учиться два. Но директор был понимающий, пошел мне навстречу и разрешил мне экстерном сдать экзамены.

Почему я выбрал математику в качестве специальности в вузе? Ну во-первых, она мне всегда нравилась и легко давалась, а во-вторых, я рассуждал так: «У меня старенькие родители. Нужно будет их дохаживать, а следовательно, работать в сельской школе, в которой часы математики всегда востребованы для преподавания». Было еще, конечно, желание пойти на учителя истории. Мне тоже она нравилась. Читал большое количество исторических книг, одно время даже мечтал стать археологом. Квалификация историка в то время открывала также работу в райкоме партии, но я думал тогда в первую очередь о родителях.

Обучаясь в Луганском педагогическом институте, я активно занимался спортом. Мне ничего не стоило пройти на лыжах 10 километров. На этой дистанции я даже занял первое место в областном забеге. За это премировали двухнедельной путевкой в Карпаты на горнолыжную базу. Но я попросил отдать ее тому, кто занял второе место, а мне предоставить отпуск домой, чтобы проведать больных родителей.

В 1969 году я из Луганского педагогического института перевелся в Воронежский, который и окончил в 1973 году. Я работал в Пузевской школе сначала учителем, потом завучем и директором. Идя по учительской стезе, всегда старался поступать по справедливости. Если необходимо было принять решение относительно ученика, то я всегда мысленно становился на его место и только после этого принимал взвешенное решение. Пусть оно будет строгое, но справедливое. Главное — это любовь к любому ученику. Важно считать ученика равным по отношению к себе и ни в коем случае не унижать ни его самого, ни его родителей. Отсюда рождается доверие. Ко мне приходили иногда даже поздно вечером посоветоваться, как поступить в том или ином сложном жизненном случае. Я думаю, от тюрьмы удалось уберечь не одного трудного подростка.

А трудных детей мне довелось немало встречать на своем педагогическом поприще и в Пузевской школе, и в Павловской школе-интернате, и в Павловском лицее... Но я всегда стремился разглядеть в каждом из этих ребят прежде всего

человека — как со своими слабостями, так и со своими талантами. В связи с последним вспоминается забавный случай, разбираемый нами на комиссии, когда я работал заведующим роно. Два ученика Павловского лицея, живущие в Петровке, собрались на дискотеку в соседнее село Михайловку. Решили это сделать с шиком, на тракторе. Подошли к стоящему в Петровке трактору К-700 и, немного с ним повозившись, завели машину, съездили на дискотеку и поставили на место. Все бы прошло незамеченным, но одна беда: немного не рассчитав в темноте, они плугом трактора зацепили забор. Когда на комиссии по делам несовершеннолетних стали разбирать данный эпизод, то неожиданно выяснялось следующее. Два дня тракторист и механик не могли завести этот трактор, искали поломку, а наши вундеркинды умудрились это сделать очень быстро, да к тому же ночью...

Во взрослой жизни было много всего. Как у орла в Шиповом лесу, были взлеты, и были падения. Но мое жизненное кредо всегда оставалось неизменным: приносить пользу людям, особенно детям.

В.Е. СТЕПКИН — отличник народного просвещения, заслуженный учитель РФ. Учился в Луганском и Воронежском педагогическом институтах. С 1968 г. начал педагогическую деятельность учителем математики. Работал завучем, затем директором Пузевской средней школы Бутурлиновского района. В 1984 г. переехал с семьей в г. Павловск. Работал завучем в Павловском интернате. В течение 13 лет был заведующим Павловского РОНО, завучем в СШ № 2, 10 лет был директором Павловского профессионального лицея № 52.

Публикация Виталия СТЕПКИНА

